

Пролог

*1458 год, Трансильвания,
замок господаря Влада Дракулы Цепеша*

Зал выглядел бы чертовски мрачно, если бы не десятки факелов, зажженных слугами и горевших ярким пламенем. Стол ломился от яств, музыканты выбивались из сил, играя самые веселые мелодии, но эта подчеркнуто веселая обстановка не могла обмануть заморских гостей: то и дело они ловили на себе взгляды слуг, и в этих взглядах гораздо явственнее, чем в словах, читалось нечто, от чего у слов время от времени мурашки пробегали по спине. Дракула вел себя в высшей степени дружелюбно, и это ставило в тупик. Все были наслышаны о жестокости этого румына-варвара. Стать посланниками султана обычно считалось большой честью, но в данный момент эта миссия представлялась гостям, скорее наказанием, грозившим плохо закончиться. Одним из случаев, описанных при султанском дворе и наиболее потрясших как самого султана, так и приближенных своей необъяснимой и бессмысленной жестокостью, был рассказ о том, как Дракула пригласил в свой дворец множество нищих. Накормив их до отвала, он внезапно спросил, не желают ли они избавиться от земных страданий, ведь жизнь их так тяжела, а участь так несправедлива. Надеясь на дальнейшие милости со стороны хозяина, разомлевшие нищие ответили утвердительно. Тогда Влад сделал знак своим слугам и вы-

шел. Удивленные нищие, не понимая, что происходит, смотрели, как слуги закрывали тяжелые двери. Только услышав, как с наружной стороны громыхнула тяжелая щеколда, запершая их в пустом зале, гости сообразили, что происходит что-то неладное. Они кинулись к дверям, стучась и умоляя их выпустить. А Дракула с безмятежной улыбкой наблюдал за тем, как его слуги завалили двери сухим хворостом и подожгли. Такова была «милость» господаря, явленная во всей своей полноте.

Показное дружелюбие хозяина и его двора никого не могло обмануть: все словно застыло в ожидании, вопрос лишь — в ожидании чего? В этот момент Влад взмахнул рукой, и музыканты оборвали игру. Кузен господаря, Штефан чел Маре, сидевший по правую руку от него, поднял тяжелый золотой кубок.

— Мы рады приветствовать посланников султана в этом дворце! — торжественно произнес он. — Это говорит о том, что мир между нами возможен, и мы рады признать, что султан сделал шаг доброй воли. Я хочу выпить за будущее, которое представляется мне светлым и безоблачным!

С этими словами Штефан, огромный, как бочонок с вином, опрокинул серебряный кубок, осушив его одним глотком. Все последовали его примеру, включая посланцев, обычно отказывающихся от спиртного, но сейчас не рискнувших противоречить хозяевам замка.

— Отличный тост! — похвалил кузена Дракула, пребывавший в отличном расположении духа. — И я также благодарен вам, господа, за визит, — он кивнул в сторону иностранных гостей, — но меня мучает один вопрос...

Послы невольно напряглись: каждое слово, произносимое господарем, отражаясь от толстых каменных стен, улетало под высокие своды зала, эхом отдаваясь в огромном полупустом пространстве.

— Вопрос у меня такой, — продолжал Дракула, пристально рассматривая сидевших за столом мусульман. — Неужели господа послы испытывают к принимающей их стороне так мало уважения, что сидят с покрытыми головами?

Если до этого момента в зале и слышались какие-то иные звуки, кроме голоса Влада, то сейчас, казалось, даже огонь в камине перестал трещать — такая мертвая воцарилась тишина. Старший из послов, Мухаммед ад-ибн Сид, поднялся со своего места.

— Прошу простить, господин, если мы своим видом невольно оскорбили вас, — произнес он, тщетно пытаясь придать своему голосу твердость, — однако, в соответствии с Кораном, мусульманин обнажает голову лишь перед Аллахом. Ни один смертный не может этого требовать — таков наш закон.

Сказав это, он сел, чувствуя, как по спине сбегает предательская струйка пота. Однако выражение лица Дракулы не изменилось, оставаясь по-прежнему дружелюбным.

— Что ж, — произнес он, — я чту ваш закон, господа. Однако, — тут же добавил он, — у нас также есть свой закон, и этот закон гласит, что всякий гость, проявивший неучтивость в отношении хозяина и отказавший ему в выполнении простой просьбы, теряет свой дипломатический статус.

Его рука плавно описала в воздухе дугу, и, не успели послы понять, что происходит, как слуги Дракулы скрутили им руки за спиной. Не имея возможности пошевелиться, они расширившимися от ужаса

глазами наблюдали за тем, как Влад что-то шептал на ухо кузену. Глаза Штефана загорелись, и он, распрямившись, воскликнул:

— Дабы не оскорблять вашего бога, господя, мой господин и кузен распорядился сделать так, чтобы головные уборы никогда, даже по случайности, больше не покидали ваших голов!

Гвозди вошли в затылки посланников почти одновременно, а их крики слились в единый вой, правда, продолжавшийся недолго. Пропоров ткань чалмы, металлические штыри пробили кости черепа каждого из иноземных гостей и вышли через подбородок. Кровь мгновенно залила стол, а Дракула, протянув кубок Штефану, с удовольствием глядевшему на развернувшуюся перед ним сцену, сказал:

— Наполни-ка кубок, кузен: хочу поглядеть, какого цвета кровь у этих иноверцев — такая же красная или с примесью зеленого цвета?¹

Гости, на несколько секунд ошарашенные происшествием, молча смотрели, как Штефан наполняет кубок кровью старшего из посланников.

— Красная! — с некоторой долей изумления возвестил Дракула, изучив его содержимое. — Столь же красная, что и у каждого в этом зале!

Боясь, как бы гостеприимный хозяин не возжелал теперь проверить, действительно ли это так, остальные гости поспешили вернуться к трапезе, обращая мало внимания на тела несчастных послов, лежавших у дальнего конца стола. По мановению руки Влада музыканты вновь грянули бравурную мелодию. Пир продолжился.

¹ Зелёный — официальный цвет исламской религии.

Первым, кого увидел майор Карпухин, припарковавшись на обочине шоссе и выйдя из старенького «жигуленка», был Паша Трофименко, его стажер. Он стоял, прислонившись к дереву, и поначалу Артем не заметил ничего необычного. Однако, приблизившись, он увидел, что лицо у стажера блее мела, а рот перекошен в гримасе отвращения. При виде майора парень сделал над собой усилие и оторвался от древесного ствола.

— З-здравия ж-желаю, товарищ майор... — пробормотал он срывающимся голосом.

— Что, так плохо? — нахмурился Артем, озираясь по сторонам. Неподалеку копошились люди в камуфляже, среди которых он заметил человека в белом халате с накинутым поверх него дождевиком.

— Ой-й-й...

Это было все, что произнес в ответ стажер, и Карпухин понял, что больше никаких полезных сведений от Павла ему получить не удастся. Больше всего на свете Артем не любил вставать по утрам. Он мог пережить работу допоздна, даже всю ночь, грязь, плохую погоду (как сейчас), любые неудобства, но продирать глаза в половине четвертого утра, когда он всего-то пару часов назад выключил телик и только-только начал видеть первый полноценный сон, — это же настоящий кошмар. А уж перед выхо-

дом из дома не успеть выпить хотя бы чашку кофе — и вовсе пытка!

— Кофе, Артем Иванович?

Мелодичный девичий голосок заставил майора встрепенуться. Это оказалась Лара Демина, новая помощница судмедэксперта. Они познакомились на прошлой неделе, когда девушка только появилась в качестве стажера Егорыча. Симпатичная девушка, маленькая, полненькая, но не рыхлая, а крепко сбитая, с копной вьющихся русых волос и любознательными каре-зелеными глазами.

— Господи, да где ж ты его раздобыла? — с восхищением поинтересовался Карпухин, принимая из рук Лары пластиковую кружку с горячим кофе.

— Я всегда ношу с собой термос, — скромно ответила она. — Особенно в такую адскую погоду!

Сделав пару глотков и в очередной раз подивившись способности кофеина мигом приводить человека в чувство, майор спросил:

— Ну и что там творится-то?

— Ой, не спрашивайте — лучше сами посмотрите, Артем Иванович! — неопределенно махнула рукой девушка и повела его в ту сторону, где копошился народ.

— Четвертый! — возвестил чей-то голос, и, покрутив головой, Карпухин определил, что кричал молодой сержант с лопатой, стоявший на краю чего-то, отдаленно напоминающего траншею.

— Не четвертый, а пятый, — поправил его другой голос, и майор узнал недовольные интонации Егорыча. Подойдя к краю ямы шириной около метра и длиной раз в десять больше, он увидел тела. Они лежали, упираясь ногами в темя друг другу, словно

чье-то большое сознание намеренно разместило их в цепочку связанных смертью людей.

— Что это — скифский курган? — пробормотал Артем, отступая назад и вопросительно глядя на судмедэксперта.

— Ага, — ухмыльнулся тот, — точно, *курган*. Только вряд ли скифский: насколько мне известно, те ребята все больше в Западной Украине проживали, а эти — нашенские.

— И что за люди?

— Пока я только первого осмотрел, — слегка пожал плечами Егорыч. — Он лучше всех сохранился, так как умер недавно. Судя по всему, бомжик — ни документов, ни бумажника, да и одежонка поношенная.

Майор с сомнением осмотрел тело, лежавшее у его ног и едва прикрытое простынкой, уже порядком промокшей от дождя.

— Значит, личность его установить невозможно?

— Ну почему же невозможно? Вот сюда погляди, — и он приподнял руку трупа, казавшуюся деревянной. Рукава теплой не по сезону куртки были слишком коротки для довольно крупного мужчины, каким при жизни являлся покойный, — явно с чужого плеча. Обнажив руку до локтя, Егорыч пальцем натянутой в перчатке руки указал на татуировку в виде стрекозы. Кроме рисунка, там еще виднелись полустертые буквы и номера.

— Я так подозреваю, это название колонии и номер отряда? — спросил Карпухин.

— Скорее всего, но надо бы проверить, — ответил судмедэксперт.

— Как давно он помер?

— Не больше пары суток тому назад.

— А остальные?

— Да погоди ты с остальными, майор, причина смерти тебя не интересует, что ли?

— А что, она какая-то особенная?

— Особенная, особенная, — пробурчал Егорыч, с трудом поворачивая голову покойника так, чтобы Карпухин мог видеть его шею. — Вот, глянь-ка!

У самого основания шеи виднелись какие-то странные пятна. Это могли быть и трупные пятна, уже начавшие разливаться по телу, или просто грязь, ведь мужик, скорее всего, не мылся несколько месяцев.

— Ну и что?

— Что значит — «ну и что»? — возмутился Егорыч. — Вот она, причина смерти, не видишь, что ли?

— Змея, что ли, его укусила? Подпрыгнула повыше и...

— Ох и тяжело же с тобой, Иваныч! — с безнадежностью в голосе вздохнул судмедэксперт. — Ну какая, к черту, змея, а?! Ты хоть думай, что говоришь-то!

— Лучше ты мне скажи, а то я твоих китайских эквивоков не понимаю, — огрызнулся Карпухин. — Отчего мужик помер?

— Кто-то высосал у него кровь — вот отчего!

С минуту майор не знал, что и сказать. Его глаза округлились, но в них все еще читалось недоверие к словам Егорыча, словно он надеялся, что тот пошутил.

— Вы...сосал?! — запинаясь, проговорил он наконец. — И что же это за... «сосун» такой?

— Кабы знать! — развел руками судмедэксперт. — Помнишь, давеча по телику показывали репортаж о чупакабре?

— Чупа... что?

— Ну, чупакабра, чудище такое, на кур нападает, на домашний скот.

— Понятия не имею, о чем ты! А на людей этот чупачупс тоже нападал?

— Про людей ничего не говорилось.

— Ну, вот и забудь: чудовища — они все в сказках и фильмах ужасов, а мы имеем дело с людьми, все зло — от них.

— Ладно, — вздохнул Егорыч, как показалось Карпухину, с сожалением. — В патологической лаборатории покопаюсь в этих ребятах поподробнее. Как что выясню — позвоню.

* * *

Обожаю такие часы, как сейчас! В последнее время мы с сынулей видимся не так часто, как хотелось бы. Хотя, наверное, справедливо было бы уточнить — не так часто, как хотелось бы *мне*. Он вырос и сейчас вращается в кругу людей, в обществе которых я чувствую себя не совсем комфортно. И дело не в возрасте — большинство теперешних приятелей Дэна старше его и даже старше меня. Проблема в том, что наши миры так же далеки друг от друга, как небо и земля, и, несмотря на кажущуюся связь линий горизонта, на самом деле они никогда не соприкасаются, как не соприкасаются сферы наших интересов, а потому ни о каком гармоничном взаимодействии не может идти речь. Я то и дело ловлю себя на мысли, что этот «богемный кружок», как называет его Шилов, мой муж, вызывает у меня недоумение и образ жизни этих людей мне абсолютно чужд. Нет, они вовсе не плохие люди, просто они — *другие*, предпочитающие ночь дню, проводящие

долгие часы в разговорах об искусстве и его новых направлениях, ненавидящие порядок и приверженные скорее анархии, нежели любому, даже самому справедливому государственному строю. Единственное, о чем я всегда просила Дэна, — не погружаться в эту среду слишком уж глубоко. Для меня «глубоко» означает обильные возлияния, участие в оргиях (или как там у них это сейчас называется) и употребление разнообразных наркотических средств. К счастью, у Дэна пока хватает ума не следовать слепо порядкам, установленным в его новом окружении, поэтому я хоть и не безмятежно спокойна, но все же более или менее удовлетворена его поведением.

Но об этой конкретной встрече попросил именно сынуля, и я, несмотря на свою радость, не могла не подумать о плохом. Если он звонит и приглашает «выпить вместе кофейку в каком-нибудь приятном месте», не означает ли это, что у него серьезные проблемы? Поэтому, вопреки обыкновению, я прискакала в кафе «Абрикосов», что на Невском проспекте, раньше назначенного времени. Народу было немного — конец рабочего дня еще не наступил, — и я, сидя в полупустом зале, сделала заказ за себя и за него — в конце концов, мать знает вкусы своего ребенка даже лучше, чем он сам. Сынуля появился ровно в половине пятого, как мы и договаривались. При виде меня, восседающей за столиком у окна, на его лице отразилось приятное изумление: ну да, ведь его мамаша никогда и никуда не приходит вовремя, оставляя за собой право опоздать минут на пятнадцать — с этим ему пришлось давным-давно смириться.

— Привет, маманька! — поздоровался он, клю-

нув меня в щеку. Пока Дэн усаживался и придиричиво инспектировал лежавший на его тарелке яблочный штрудель, я с удовольствием разглядывала молодого мужчину, в чьей компании мне предстояло провести приятное время. И как это мне удалось произвести на свет такого красавчика, ума не приложу! Говорят, все матери считают своих детей великолепными, но я достаточно объективна, чтобы утверждать: Дэн — настоящее произведение искусства. Кстати, это не только мое мнение, но и той разношерстной и разномастной толпы девушек от пятнадцати до тридцати пяти лет, беспрестанно преследующих моего сынулю. С одной стороны, мне такой расклад льстит, с другой — я немного опасуюсь, как бы Дэн раньше времени не сделал меня бабушкой!

— Ты что рассматриваешь меня так, будто я — бурая плесень в чашке Петри? — подозрительно глядя на меня наглыми голубыми глазами своего папаша, спросил сын. Сравнение показалось мне весьма неуместным, но я только рассмеялась:

— Да вот смотрю, какой ты у меня симпатяга!

— Да ладно тебе...

Он покраснел, как девушка, и мгновенно стал выглядеть на свои девятнадцать, а не на двадцать пять, как в тот момент, когда только вошел в кафе, щеголевато одетый в светлый спортивный пиджак, американские джинсы (наверняка очередной подарок моего бывшего мужа) и с шарфом, намотанным вокруг шеи, словно на дворе стояла осень, а не разгар лета.

— Ты тоже ничего, — вернул он мне комплимент. — Цветешь и пахнешь. Как Шилов?